

Мир всем людям. Фриц Грибел, ФРГ
Наши матери требуют: мисс Николаус Мануссис, Греция
Мать и дитя. Карл Рашлер, Венгрия
Маленький африканец. Мирчо Яков, Болгария

СТО ЛЕТ тому назад прозвучали такие слова:
«Мы не рады войне, нам противны всякого рода убийства — оптом и врозь; те, за которые вешают, и те, за которые давят кресты; нам жаль всякую кровь, потому что кровь веселее течет в жилах, чем по траве и по песку... Дни еще образованные народы и недалеко ушли от времен Нимрода и Сесостриса, если не могут иначе решать дела, как дубиной и пращой».

Эти воззвания, проникнутые подлинной человечностью слова были сказаны Александром Герценом в конце 1859 года. Есть глубокий смысл в том, что они с той же страстью звучат нынче...

Проникновенный, озабоченный любовью к людям всей планеты доклад Никиты Сергеевича Хрущева и Закон о новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР отразили самые глубокие думы и надежды советского народа. Недаром, будто сами собой, вырвались у Андрея Николаевича Туполева с кремлевской трибуны слова:

— Ах, если бы можно было строить самолеты только для мирных целей! Вот бы здорово было!

Меридиан надежды

Бурными аплодисментами встретили избранные советского народа этот порыв прославленного авиационного конструктора, создавшего за свою жизнь десятки грозных боевых машин. Его возлюбленная реплика пришла по душе советским людям, увлеченным творческим созидательным трудом.

Доклад Никиты Сергеевича и новый Закон нашего государства воплотили в себе не только чаяния советских людей, но и заветные мысли всех людей на всех континентах.

Сорок лет я преподаю географию, — сказал школьный учитель в Париже, — и никогда еще мир не был так мал. В нем не осталось больше зон недоступности, и от самих людей зависит — оставить от него руины или избрать путь благоденствия. Через вашу страну проходит меридиан надежды.

Меридиан надежды! Эту мысль, высказанную старым учителем географии, по-разному услышали на разных широтах.

Где бы ни побывали в истекшем году советские люди — в Америке, Японии, Индии, Франции, Швейцарии, Бразилии, Африке, — чаще всего они слышали мечты о мире.

Негры Французского Сенегала, индейцы аргентинского севера, желтолицые обитатели Бангкока и острова Хоккайдо, рабочие и интеллигенты Цюриха и Парижа говорили о властной волеи времени, о мире. И о стране, в которой они связывают свои надежды на спокойное будущее.

Старинный японский город Нара. У золоченых ворот храма, среди цветущих вишен и гигантских криптомер, в руководителе делегации советских виноградарей подошел старик — настоятель буддийского монастыря — и, церемонно поклонившись, сказал:

— Я узнал, что вы из России. Я прошу передать господину Хрущеву: японские буддисты будут молиться, чтобы господь продлил его годы, ибо все люди взирют с великой надеждой на его деяния для сохранения мира на земле.

В Книго находится храм Тысячи и одного Будды. В огромном полукруглом зале слабо мерцают лес золоченых статуи. Их действительно тысячи и одна. У каждого Будды двадцать рук, на каждой руке — двадцать пять пальцев, и каждый палец испускает одно благословение. Когда мы вышли из храма, молодой японский студент сказал нам:

— У нас в Японии восемь миллионов богов. Но мы верим, что мир на земле сохраняют не боги, а люди. И главное — мы надежда на вашу страну.

В Индии находится Тадж-Махал, усыпальница жены одного из правителей эпохи Великих Моголов. Эту пятиугольную громаду из розового мрамора строили двадцать тысяч рабов в течение многих лет. Окруженная четырьмя миниатюрными, украшенными тончайшей мозаикой из цветных камней, серебра и золота, эта усыпальница справедливо почитается одним из чудес света. Десятки тысяч туристов из всех стран приезжают восхищаться красотой и пышностью этого удивительного памятника древней Индии.

Однажды ночью над Тадж-Махалом, над самым куполом, показалась движущаяся светящаяся точка. Она летела в ночном небе.

— Спутник! — воскликнул кто-то.

Сотни глаз обратились к ней, к этой летящей звезде, забыв о Тадж-Махале.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Вчера, 18 января, началось расширенное заседание секретариата правления Союза писателей СССР с участием представителей литературных организаций.

Председательствующий К. Федин, открывая заседание, сказал, что вместе со всем народом советские писатели принимают историческое решение Верховного Совета СССР о новом значительном сокращении Вооруженных Сил Советского Союза. Эти слова были встречены горячими аплодисментами собравшихся.

К. Федин оглашает повестку дня:

1. О состоянии литературной критики в печатных органах Союза писателей;
2. О деятельности Союза писателей СССР в области международных литературных связей;
3. О плане основных мероприятий секретариата и правления Союза писателей СССР на 1960 год.

Затем слово предоставляется секретариату правления Г. Маркову, выступившему с отчетом о состоянии дел в организации.

На утреннем заседании с краткими сообщениями выступили М. Кузнецов («Литературная газета»), В. Полторацкий (газета «Литература и жизнь»), А. Хиник (украинская «Литературна газета»), А. Дементьев («Новый мир»).

Секретариат продолжает свою работу.

«...Советский Союз не требует ничего, кроме мира»

ЭТОТ старинный дворец на набережной Макарова в Ленинграде хорошо знают филологи многих стран мира, в том числе и Франции. И дело не только в том, что здесь в надежных сейфах уже несколько десятилетий хранятся многочисленные автографы Бальзака, Мериме, Флобера, Шатобриана, Ламартин, Мюссе, Дюма-отца, Гюго и других крупнейших писателей и мыслителей Франции. Но и в том, что здесь, в Ленинграде, сохранились созданные мастерами культуры французского народа, серьезно научно разрабатываются.

Пушкинский дом, Институт русской литературы Академии наук СССР, издавна и прочно связан с литературой и наукой Франции. Французские исследователи изучают творчество Пушкина, историю нашей отечественной литературы... Недавно в Ленинграде побывал известный французский филолог академик Мазон, который уже много лет занят исследованием творческой истории великого памятника русской литературы «Слово о полку Игореве».

Огромные сокровища крупнейшего в нашей стране центра по изучению отечественной литературы и ее творческих связей недавно пополнились новыми ценнейшими французскими автографами. Они принадлежат перу Романа Роллана. Среди писем Р. Роллана, переданных институту, особый интерес представляет датированное 18 сентября 1934 года и написанное для газеты «Ле Травай» следующее письмо:

«Как интернационалист и как француз, я радуюсь вступлению Советского Союза в Лигу Наций. Ни одна страна так неразрывно не связывает свою судьбу с вопросом о мире, как Советский Союз. В то время, как постоянно в течение столетий все государства путем разбоя искали в войне средство своего расширения или отвращения от социальных зол, один лишь Советский Союз не требует ничего, кроме мира, и хочет его, чтобы победить одним только примером своего могучего труда и своих огромных достижений. Пусть же этот великий пример возбудит плодотворное подражание всех народов в стремлении к миру».

Большой интерес также представляет письмо Романа Роллана, адресованное непосредственно коллективу Пушкинского дома. Вот оно:

«Вильнев, 10 июня 1936 года. Дорогие товарищи! Простите мне, что только сегодня благодарю вас за телеграмму по случаю дня моего рождения. Мне непременно хочется ответить лично на горячее приветствие, которым Институт литературы Академии наук оказал мне большую честь. Ничто не могло тронуть меня более, как такой знак внимания, исходящий от выдающихся деятелей советской интеллигенции. Я счастлив, что могу послать братский привет от самых свободных представителей французской мысли. Великая всечеловеческая культура, которая была мечтой лучших тружеников мысли в течение многих веков, осуществляется нашими соединенными усилиями под знаменем Советского Социалистического Союза. Прошу вас передать всем нашим коллегам по институту литературы мой лучший поклон и мою благодарность. Надеюсь, что во время предстоящей поездки в Советский Союз мне удастся посетить Ленинград и встретиться с некоторыми из вас. Сердечный привет! Роман Роллан».

Имя воззвания Романа Роллана к Амстердамскому антивоенному конгрессу, состоявшемуся, как известно, в 1932 году (оригинал этого воззвания сейчас также поступил в отдел рукописей Пушкинского дома), звучит голос великого борца за мир, за дружбу народов Франции и Советского Союза, всех народов земли.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления
Союза писателей СССР

Год издания 31-й
№ 8 (4133)

Вторник, 19 января 1960 г.

Цена 40 коп.

Максимально КЕСАМАА

ТАК БУДЕТ!

Пуста казарма. Никому не нужно
Вставать, как штык, по окрику:
«Подъем!».
И рад в сарае старый конь
Заслуженный,
Что нет седла тяжелого на нем.
Расседлан генеральский конь
Заслуженный.

Ня одного солдата в карауле,
Не щелкают затворы... Тишина...
И роты больше не пойдут сквозь пули,
И людям смертью не грозит война...
Нет, роты больше не пойдут сквозь пули.

Спокойно в небе облакам высилам,
Никто не налетит издали...
Куда хотите — к западу, к востоку
Плыньте в мирном небе, облака!
Хоть к западу плывайте, хоть к востоку.

Вот солда луч на материнских лицах
Разглядя все морщинки до одной.
Как дни светлы, и по ночам не снится,
Что сын родной опять уходит в бой!
Как хорошо, что ночью бой не снится!

Расплавлен ствол последней пушки
Гроной;
Куюм плуги — повсюду звон и шум!
Нас от земли поднимут к далеким
Звездам

Свободные энергия в ум.
Мы полетим с тобой к далеким
Звездам.

Воскликнет мир — прощай, прощай,
Оружие! Оружие!
Пусть спорт мысли, кониски, мечты:
Оружие человечеству не нужно —
Пути былие кровью залиты.
Прощай, оружие!

Перевел с эстонского
Марк СОВОВЬ

РУКА ДРУГА

Цейлон. Стоит произнести
это слово, и память сразу
подсказывает давно знакомые
картинки, которые мы
создали себе по книгам...
Сказочные джунгли, обильные
скучные по деревьям,
тропическая жара... Все это,
конечно, так. Но жизнь вне-
сла поправки в этот пейзаж.

Более года назад океан-
ские пароходы доставили
на Цейлон мощные советские
тракторы. И с тех пор
их рокот оглашает джунгли
в районе Канталаи.
Здесь на шести тысячах ак-
ров с помощью советских
специалистов создается пер-
вая на Цейлоне государст-
венная плантация сахарного
тростника.

Советские машины еще
коротко освоились деревья-
ми, а почти на одной
трети площади будущей
плантации уже зеленеют
посевы сахарного тростника.

Когда же цейлонцы со-
берут первый урожай, им
не придется везти его де-
леко. Рядом с план-
тацией чешские и польские
специалисты соорудят
сахарный завод.

Канталаи — начало техни-
ческого и экономического

сотрудничества между СССР
и Цейлоном. В дальне-
шем на Цейлоне предла-
гается создать с помощью
СССР еще одно крупное
хозяйство по выращиванию
хлопчатника, построить ме-
таллургический и химиче-
ский заводы, электростан-
цию и т. д.

Советский Союз устано-
вил экономическое и тех-
ническое сотрудничество со
многими странами Азии и
Африки: с Индией, Объеди-
ненной Арабской Респуб-
ликой, Ираком, Афганиста-
ном, Непалом, Йеменом,
Эфиопией, Гвинейской ре-
спубликой, Индонезией и т. д.

Всем им Советский Союз
бескорыстно помогает
укрепить национальную
экономику, улучшить свою
жизнь.

По проектам советских
инженеров в Индонезии бу-
дут сооружены два метал-
лургических завода, завод
по производству суперфос-
фата, автомобильных доро-
жек, механизированных
рисовых хозяйств, инсти-
тут в Амбоне, а также
стадион на 100 тысяч зрели-
телей. Проект его уже ар-
хитектурно рождается в одном из
московских институтов, но
кое-что о нем уже можно
рассказать.

Столица Индонезии Джа-
карта скоро украсится го-
рошным сооружением —
главной спортивной ареной.
100 тысяч человек вместит
его трибуны. Во время
спортивных празднеств зри-
тели от палящих лучей тропи-
ческого солнца надежно
укроет навес, который со-
орудят над трибунами.

На территории стадиона
предусматривается построй-
ка плавательного бассейна
с трибунами, тренировоч-
ного футбольного поля и со-
оружений для соревнований
по бадминтону, волей-
болу, баскетболу, боксу и
многим другим видам
спорта.

Индонезийский комитет по
проведению IV Азиатских
игр в основном одобрил
проект будущего стадиона.

Экономическое и техни-
ческое сотрудничество Со-
ветского Союза с Цейло-
ном, Индонезией и други-
ми странами Азии и Афри-
ки — символ растущей
дружбы СССР и народов
этих стран.

В. ЛАММ

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Высота

ВЫ — НЕ ХОТТАБЫЧИ!

В. САПОЖНИКОВ

ПРОШУ принять меня на строительство плотины Берингова пролива... Не могу остаться на обочине. На газетной страничке печатаны эти слова. Они взяты из письма, присланного в редакцию как отклик на статью о проекте плотины Берингова пролива.

Плотина Берингова пролива — пока всего лишь дерзновенная идея, вокруг которой идут научные споры, но молодое, смелое сердце уже горячо поведало, что она будет. Письмо, пришедшее в редакцию «Литературной газеты», было опубликовано за подписью Александра Иванушкина.

Кто этот парень? Любитель приключений, готовый поехать хоть на край света, лишь бы сменить обстановку? А может быть, решительный человек, загоревшийся грандиозной мечтой переделывать материку и перекачивать океаны?

В конце концов я нарисовал себе его портрет: буйная шевелюра, жизнерадостные глаза, черные широкие брови. Мысленно я даже слышал, как он произносил пламенные речи на комсомольских собраниях, но вдруг понял, что этот нарисованный моим воображением герой очень похож на положительных персонажи из плохих кинофильмов, и оставил затем воображать себе автора трогательного письма в газету.

И вот я сижу в маленькой комнатке общежития. Она совершенно не похожа на светлые апартаменты из кино: обыкновенный шкаф, неудобный стол, единственный, но очень надежный стул. На тумбочке — тяжеловесный, похожий на железобетонное перекрытие орфидический словарь: рядом с ним книжка Чаковского «Год жизни» — кажется лилипутом. Она раскрыта, и я вижу на полях пометки: «Здорово!», «Молодец!», «Ну, завел психологию!».

Мой герой самый прозаический образом спит. Грозных бровей нет. Лицо обыкновенное, хорошее, мягкое, с крупными чертами. Руки сильные, рабочие, без мозолей (почему думаю, что у рабочего человека руки непременно в мозолях?), но темноватые, видимо, парень не умывался, что он отдыхает после ночной смены.

Суббота. Четвертый час дня. В коридоре шумно: ребята возвращаются с работы. С грохотом открываются и закрываются двери, стучат сапоги. Кто-то завел радио, и в комнате позвонивают стекла... Но Саша спит. Так спят люди, основательно уставшие, и сон этот ничем невозможно нарушить. Я раздеваюсь, сажусь за стол, гляжу на Сашу. «Что сделал уже ты своими руками? — думаю я. — Какие прошел пути-дороги? Что любишь, какие мечты греют твою жизнь?»

Саша открывает глаза. Со сна они больше, темные. Он садится и говорит:

— Явление первое: неизвестный человек в сером костюме. Вы кто? Не Хоттабыч?

— Нет.

— Ну, а то я с ходу потребовал бы кое-что.

— Что именно?

— Усиленную порцию щей и две порции гуляша: сегодня опоздал на завтрак и голоден, как сто сорок волков.

Я повторил, что, к сожалению, не Хоттабыч, а всего-навсего писатель и приехал познаться к вам, может быть, написать о нем.

— Написать обо мне? Вы не шутите?

— Нет.

— Вы спутали адрес: я же не артист и не заслуженный боксер. Перед вами самый обыкновенный человек. Рабочий.

Быстро взглянув на меня, Саша смутился.

— Кажется, я невежлив, правда? Слово гоню вас. Извините. — Он выпрыгнул из-под одеяла, как вихрь, умчался куда-то и минуту спустя вернулся с полотенцем через плечо, свежий и розовый.

УЛИЦА — МОЯ!

— Вот что. Раз уж приехали, будьте гостем. Покажу вам наш городок и свою улицу в нем. Ладно? И вообще будем целый день ходить вместе. Принято?

— Принято, — согласился я. Саша наскоро перекусил, и мы вышли из общежития.

Дул мягкий ветерок, лениво падал крупный снег. На ресницах и на бровях Саши повисли снежинки.

— Вот она — моя улица, — сказал он. Сашина улица — это серые громады пятиэтажных домов. Они глядели на мир рядами разрисованных морозом окон.

— Вон, взгляните на это домище. Блочный! Мы с Генкой Есинам монтировали. Правда, красавец?

Попутно он рассказывал мне про Гену Есина. Отличный парень! В свое время его отчислили из строительного института. За что? Вел себя довольно резво. Гена рассказывал с инстинктом и поступил к нам в бригаду. Сначала морщился и шалоуптил, но скоро перестал в рабочем котле и сейчас, пожалуй, лучший монтажник на стройке. А институт кончат заочно.

— Так вот мы с Генкой на этом доме что-то вроде рекорда выжили: за смену установили шестдесят блоков. Три нормы.

И, не останавливаясь, Саша продолжал:

— Вот картины на этом доме устанавливала наша бригада. Видите, ленивые. Помню, день был чудесный! Работали, как на пляже, в одних трусах. Положили последнюю плиту, умылись и устроили оргию: купили ведро молока, пять булок хлеба и пили из одной кружки. Потом танцевали прямо на перекрытиях. Это у нас традиция. Музыка, конечно, не было. Танцевали под хорошее настроение.

В конце Сашиней улицы — школа. Саша сказал, что здесь он положил свой первый кирпич.

— С этого угла началась моя карьера каменщика. И кирпич этот будет лежать сто лет, а может, и больше.

Мы переходим проспект Мира и останавливаемся перед входом в общежитие.

— Мне надо зайти к одному человеку, — нерешительно говорит Саша.

— Да, да, ты иди, а я подожду, — сказал я.

— Нет, мы пойдем вместе. Она, конечно, зубрит сейчас, но мы ненадолго. Только поздороваемся, и все. Она палец на работе порезала.

Мы поднимаемся по лестнице. Саша ворчит:

— Трусость отвратительна. Чувствую себя так, будто что-то воруюсь. Смельство свойственна человеку, который полностью выдавал из себя раба. Несмотря на это глубокое философское умозаключение, в одну из дверей четвертого этажа Саша постучал довольно робко.

— Оля, — знакомая, сказала де-вушка.

(Окончание на 2-й стр.)

Награждение Д. И. Заславского
В связи с восьмидесятилетием со дня рождения Давида Иосифовича Заславского и отмечая его долголетнюю плодотворную литературно-публицистическую деятельность, Президиум Верховного Совета СССР наградил его орденом Ленина.

Открывать сердца прекрасному

ЧИТАЮ некоторые последние статьи о том, какой должна быть критика... Критик — это советчик-доброжелатель... — говорят одни, — советчик, человек с милым, чеховским молоточком доктора в руках... Другие предлагают в руки критика иной молоточек. Молоточек судьи.

Кто прав? Каким молоточком работать критику?

А разными! Где надо — одним, где надо — другим. Нужны обсуждения, но и осуждения тоже, наверное, будут. Ибо будет продолжаться жизнь, а стало быть, и жизнь искусства, во всех ее противоречиях и сложностях.

В такой плоскости спорить, по-моему, нецелесообразно. Беда наших дискуссий о критике в том, что пока они ведутся только в одном кругу: критик — писатель, писатель — критику...

А читатель? Как же это мы забываем, что критик пишет для читателя? И следует не просто упомянуть его, а подробно поговорить о том, что должна давать критика читателю.

Я останавливаюсь лишь на одном аспекте этой проблемы (во многих республиках, во всяком случае, у нас, в Татарии, именно такой аспект сейчас актуален): эстетическое воспитание читателя.

Соборалась в Набережных Челнах конференция читателей. Не простых читателей, а читателей-пропагандистов литературы, тех, кто имеет дело с книгой непосредственно, ежедневно, кто должен обладать тонким вкусом к книге, понимать ее, уметь наслаждаться ею... — собралась конференция библиотечек в районных домах культуры. Был тут и автор разбираемого романа. Казалось, достаточно было оснований ожидать от конференции серьезного и восторженного разбора книги. Однако вышло иначе.

Подготовленные заранее докладчики, каждый по мере своих возможностей, пересказывали содержание книги и разбирали «положительные и отрицательные» образы, причем делали это не столько с целью разбора в данном герое, в данной конкретной ситуации, чтобы глубже понять и книгу, и жизнь, сколько с целью выяснения, «соответствует» ли герой некоему идеальному образцу и в какой степени «соответствует». Слово вышел человек на колхозный базар, перед ним горой лежат крупные и мелкие арбузы, и он, бедняга, немного растерявшись в этом обилии, никак не может выбрать себе подходящий... Стучит арбуз об арбуз, подносит к уху, пытается услышать хруст, а тем временем лукавый продалец, улыбаясь в усы, раскладывает «положительные и отрицательные» арбузы по полочкам...

Правильно ли отражен в книге тот «куточек жизни», что описывается? Каковы «исходные позиции» автора, какими средствами он достигает своей цели? Все эти вопросы остались без вразумительного ответа. А уж об эстетическом удовольствии от книги ораторы совсем не обмолвились. Рассуждали, наверное, про себя: «Разве книгу читают для удовольствия? Смешно! Книгу читают, чтобы разобраться, где должны стоять «положительные» и где «отрицательные» персонажи...».

Я сознательно сгустил краски, чтобы напомнить старую истину: нередко же мертвые хватают за фалды живого. Признак давно зарытого в землю «социологизма» еще не тот, а дает о себе знать. Конечно, теперь никто не позволит наклеивать на великого Пушкина ярлычок «буржуазный писатель». А мы, татары, оберегаем своего Тукая от таких определений, как «мелкий буржуа» и т. д. Но ретикан вулгарно-социологического под-

да не выдумывал неведомые звуки, не изобретал неслыханных языков. Как и любой подлинный новатор, он отвергал всяческую «заумь», искал и находил для выражения принесенного им в поэзию нового содержания наиболее емкую, наиболее доходчивую форму, стремился разговаривать с народом на поэтическом языке самого народа — языковорца. А такую форму нельзя было создать без учета опыта русской классической поэзии, и особенно поэзии демократической. Поэтому молодому Исаковскому было органически чуждо нигилистическое отношение к классическому наследию, столь характерное для некоторых поэтических школ и школ...

Школа располагалась в глубине старинной липовой аллеи бывшей барской усадьбы. По другую сторону аллеи — огромный сад и парк, где мы — полные холевая. И сад, и парк заперты за школой. Там мы весной готовили уроки, а ранней осенью, вернувшись с каникул, рассказывали друг другу накопившиеся за лето новости и упоенно читали стихи.

По праздничным дням мы проводим в окрестных деревнях собрания комитетов крестьянской взаимопомощи, ставим антирелигиозные агитпесни, действуем которых происходят и на земле, и на небе, инсценируем басни Демьяна Бедного, читаем доклады о многопольных севооборотах, а вернувшись, горячо спорим в литературном кружке о Маяковском и Есенине, о том, имеют ли право называться крестьянскими поэтами Клюев и Клычков. Спорим, можно ли писать о советской деревне гекзаметром, как это делает Радимов.

И вдруг в местной газете отклик за другим появляются такие стихи, как «Хутора», «Ореховые палки», «У нас в деревне», «У рибини». «Все та же даль...», подписанные никому не известным именем «М. Исаковский».

Для нас это был настоящий свежий ветер родных советских полей. Стихи молодого поэта сразу же покорили нас своей жизненной конкретностью, внутренней целостностью и достоверностью. И немудрено, что мы сразу же заучивали их наизусть, читали на всех вечерах:

Когда жол раскидывал навес
И золотился рожь
От солнечной закатки,
Отец мой шел по воскресеньям в лес
И вырубал
Ореховые палки.

Он глядел их ногами по коре,
Чтоб стали ровными, как детские
ручонки.

Он их сушил под солнцем на дворе,
Чтоб стали палки
Веселы и звонки.

Но было не только это. Было и другое, что нравилось нам не меньше:

Я стою и вслух алкаю строчки —
Как чеканит осень пятачки.
Как брусника спелая на кочке
Открывает нежные зрачки.

С юношеской нетерпеливостью мы ждали, что, возвещая о приходе нового поэта, критики тут же зазвонят во все колокола, что о нем заговорят все столичные газеты и журналы.

И правда, первая же книга Исаковского — «Провода в соломое» получила высокую оценку Горького, жившего тогда в Италии.

«Михаил Исаковский не деревенский, а тот новый человек, который знает, что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут, и знает, что для них пришла пора слиться в одну, непоборимую творческую силу, слиться так плотно, как до сей поры эти силы никогда и никуда не сдвигались».

В сущности, именно этот мотив и звучит во всех стихах Исаковского. «Так сказал об Исаковском Горький. Но многие критики еще долго — и прежде и потом — не замечали молодого поэта. Новаторство поэзии М. Исаковского не сразу бросалось в глаза. Ведь

дни ждал. Легко сказать: с большим стадом ждал в условиях города! Представьте, как воспринимал человек! Однако переди его ждала еще одна неприятность. Задержка в городе обещалась недолгой: в книзании зафиксирована пятипроцентная потеря. «Ничего, сплещем», — равнодушно замечает Халилов бухгалтер. Вот это равнодушно оброненное «ничего, сплещем» окончательно выводит Халилова из терпения. Не сумев доказать бюрократу, что значит пятипроцентная потеря, со зла Халилов хватает огромного племенного жеребца и вводит прямо в кабинет бухгалтера. Дескать, смотри, чурбан: пять от таких жеребцов стоит око, эта пятипроцентная потеря!

И смешно, и немного грустно, и — прекрасно! Маленький человек, угловатый и горячий в своих поступках, ведет себя как настоящий хозяин жизни, всем сердцем ненавидит равнодушных.

Разве мало у нас таких «горячих голов»? Их неутомимый порыв — это ли не один из источников прекрасной поэзии? Для чего читают люди, для чего они дают деньги и славу за книги? — спрашивает Л. Толстой и отвечает: — Люди читают, чтобы быть счастливыми; вот общая причина всех делений».

При разборе книги критик всегда должен иметь в виду и вопрос о том, какую радость приносит читателю общение с героями книги. Ибо творящий новую жизнь советский человек вместе с другими большими правами имеет право и на эстетическое наслаждение, на высокое чувство прекрасного.

КАЗАНЬ

Фатых ХУСНИ

хотел к явлениям искусства еще не изжиты, нет. И куды они, эти остатки, к читателю не откуда-нибудь, а из нашей критики.

Журналы часто бывают бедны обстоятельными критическими статьями. Отделы критики и библиографии заполняются мелкими, наспех написанными рецензиями и аннотациями, далекими от подлинного эстетического анализа. В статье о романе А. Абсалямова «Неугасимые огни» критик М. Гайнуллин, например, подробно останавливается на общем значении этого произведения, в котором освещена жизнь современного рабочего класса. «Показана борьба за подвиги производительности труда и освоение новых методов производственной техники...». Конечно, анализ тем и идей романа — перешеек дела критика; но ведь он, критик, делает это по-своему, приемами эстетического анализа.

Плохо, если критик говорит о «красной нити» идей, не объясняя при этом, какими художественными путями проходит эта «красная нить», какие человеческие судьбы развертываются в романе, какое, в результате, эстетическое наслаждение может доставить нам новая книга.

После этого стоит ли обихаживать на тех библиотечек и преподавателей-словесников, которые обращались с литературными образами, как с арбузами. Училишь эти преподаватели и библиотечари у профессоров, пример-то берут с критиков-профессионалов.

Стоит ли обихаживать на стрелочников, когда находишься у руля литературного «локомотива» солидные машинисты-критики, дискутируя о том, какой должна быть наша сегодняшняя критика, ничего не говорят или слишком робко говорят об одной из самых существенных задач критики: об анализе произведений с точки зрения эстетических законов?

Проблема прекрасного — живая, практически острая, назревшая проблема: будущее начинается сегодня... Вот почему радует нас то, что журнал «Октябрь» объявил дискуссии о проблемах эстетики — порай!

Об этом говорит читатель. Вот как он понимает проблему — приведу выдержку из открытого письма читателей Ивановского района, Врестской области, написанного от имени 19 тысяч человек:

«...Мы хотим, чтобы после каждой прочитанной книги становилось еще интереснее и радостнее жить, чтобы все было так, как хочется, чтобы каждая прочитанная книга помогла нам избавиться от недостатков, делала наши глаза более зоркими, а сердца открывала для восприятия прекрасного».

Да, книга должна учить читателя понимать прекрасное. А судить героя с точки зрения красоты невозможно, не судя его с точки зрения добра. Проблема прекрасного — это не категория чисто эстетическая, это категория гражданская.

Прекрасное сейчас далеко не абстрактное понятие. Прекрасное реально, оно рядом с нами, оно в нашей жизни, оно в нас самих. Надо уметь увидеть его и воплотить в эстетически совершенной форме.

Я вспоминаю в этой связи маленький очерк молодого татарского писателя Г. Ахундова «Гурты на дорогах и нефтяной газ». Неугомонный, немного чудачеватый погонщик Халилов благополучно пригнал свое стадо из глубинных районов в Казань. Но в городе из-за перегруженности колхозника его заставляли несколько

ПЕРВЫЕ полюбившиеся нам стихи поэта остаются в нашей памяти на всю жизнь, и что бы ни автор ни написал потом, какие бы шедевры он ни создал, мы всегда будем возвращаться к истокам его поэзии, убежденные, что только там найдем ключи ко всем тайнам его мастерства.

Середина двадцатых годов. Мы уже учимся в старших классах девятилетки и чувствуем себя совсем взрослыми.

Школа располагалась в глубине старинной липовой аллеи бывшей барской усадьбы. По другую сторону аллеи — огромный сад и парк, где мы — полные холевая. И сад, и парк заперты за школой. Там мы весной готовили уроки, а ранней осенью, вернувшись с каникул, рассказывали друг другу накопившиеся за лето новости и упоенно читали стихи.

По праздничным дням мы проводим в окрестных деревнях собрания комитетов крестьянской взаимопомощи, ставим антирелигиозные агитпесни, действуем которых происходят и на земле, и на небе, инсценируем басни Демьяна Бедного, читаем доклады о многопольных севооборотах, а вернувшись, горячо спорим в литературном кружке о Маяковском и Есенине, о том, имеют ли право называться крестьянскими поэтами Клюев и Клычков. Спорим, можно ли писать о советской деревне гекзаметром, как это делает Радимов.

И вдруг в местной газете отклик за другим появляются такие стихи, как «Хутора», «Ореховые палки», «У нас в деревне», «У рибини». «Все та же даль...», подписанные никому не известным именем «М. Исаковский».

Для нас это был настоящий свежий ветер родных советских полей. Стихи молодого поэта сразу же покорили нас своей жизненной конкретностью, внутренней целостностью и достоверностью. И немудрено, что мы сразу же заучивали их наизусть, читали на всех вечерах:

Когда жол раскидывал навес
И золотился рожь
От солнечной закатки,
Отец мой шел по воскресеньям в лес
И вырубал
Ореховые палки.

Он глядел их ногами по коре,
Чтоб стали ровными, как детские
ручонки.

Он их сушил под солнцем на дворе,
Чтоб стали палки
Веселы и звонки.

Но было не только это. Было и другое, что нравилось нам не меньше:

Я стою и вслух алкаю строчки —
Как чеканит осень пятачки.
Как брусника спелая на кочке
Открывает нежные зрачки.

С юношеской нетерпеливостью мы ждали, что, возвещая о приходе нового поэта, критики тут же зазвонят во все колокола, что о нем заговорят все столичные газеты и журналы.

И правда, первая же книга Исаковского — «Провода в соломое» получила высокую оценку Горького, жившего тогда в Италии.

«Михаил Исаковский не деревенский, а тот новый человек, который знает, что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут, и знает, что для них пришла пора слиться в одну, непоборимую творческую силу, слиться так плотно, как до сей поры эти силы никогда и никуда не сдвигались».

В сущности, именно этот мотив и звучит во всех стихах Исаковского. «Так сказал об Исаковском Горький. Но многие критики еще долго — и прежде и потом — не замечали молодого поэта. Новаторство поэзии М. Исаковского не сразу бросалось в глаза. Ведь

дни ждал. Легко сказать: с большим стадом ждал в условиях города! Представьте, как воспринимал человек! Однако переди его ждала еще одна неприятность. Задержка в городе обещалась недолгой: в книзании зафиксирована пятипроцентная потеря. «Ничего, сплещем», — равнодушно замечает Халилов бухгалтер. Вот это равнодушно оброненное «ничего, сплещем» окончательно выводит Халилова из терпения. Не сумев доказать бюрократу, что значит пятипроцентная потеря, со зла Халилов хватает огромного племенного жеребца и вводит прямо в кабинет бухгалтера. Дескать, смотри, чурбан: пять от таких жеребцов стоит око, эта пятипроцентная потеря!

И смешно, и немного грустно, и — прекрасно! Маленький человек, угловатый и горячий в своих поступках, ведет себя как настоящий хозяин жизни, всем сердцем ненавидит равнодушных.

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

дней ждал. Легко сказать: с большим стадом ждал в условиях города! Представьте, как воспринимал человек! Однако переди его ждала еще одна неприятность. Задержка в городе обещалась недолгой: в книзании зафиксирована пятипроцентная потеря. «Ничего, сплещем», — равнодушно замечает Халилов бухгалтер. Вот это равнодушно оброненное «ничего, сплещем» окончательно выводит Халилова из терпения. Не сумев доказать бюрократу, что значит пятипроцентная потеря, со зла Халилов хватает огромного племенного жеребца и вводит прямо в кабинет бухгалтера. Дескать, смотри, чурбан: пять от таких жеребцов стоит око, эта пятипроцентная потеря!

И смешно, и немного грустно, и — прекрасно! Маленький человек, угловатый и горячий в своих поступках, ведет себя как настоящий хозяин жизни, всем сердцем ненавидит равнодушных.

Разве мало у нас таких «горячих голов»? Их неутомимый порыв — это ли не один из источников прекрасной поэзии? Для чего читают люди, для чего они дают деньги и славу за книги? — спрашивает Л. Толстой и отвечает: — Люди читают, чтобы быть счастливыми; вот общая причина всех делений».

При разборе книги критик всегда должен иметь в виду и вопрос о том, какую радость приносит читателю общение с героями книги. Ибо творящий новую жизнь советский человек вместе с другими большими правами имеет право и на эстетическое наслаждение, на высокое чувство прекрасного.

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

дней ждал. Легко сказать: с большим стадом ждал в условиях города! Представьте, как воспринимал человек! Однако переди его ждала еще одна неприятность. Задержка в городе обещалась недолгой: в книзании зафиксирована пятипроцентная потеря. «Ничего, сплещем», — равнодушно замечает Халилов бухгалтер. Вот это равнодушно оброненное «ничего, сплещем» окончательно выводит Халилова из терпения. Не сумев доказать бюрократу, что значит пятипроцентная потеря, со зла Халилов хватает огромного племенного жеребца и вводит прямо в кабинет бухгалтера. Дескать, смотри, чурбан: пять от таких жеребцов стоит око, эта пятипроцентная потеря!

И смешно, и немного грустно, и — прекрасно! Маленький человек, угловатый и горячий в своих поступках, ведет себя как настоящий хозяин жизни, всем сердцем ненавидит равнодушных.

Разве мало у нас таких «горячих голов»? Их неутомимый порыв — это ли не один из источников прекрасной поэзии? Для чего читают люди, для чего они дают деньги и славу за книги? — спрашивает Л. Толстой и отвечает: — Люди читают, чтобы быть счастливыми; вот общая причина всех делений».

При разборе книги критик всегда должен иметь в виду и вопрос о том, какую радость приносит читателю общение с героями книги. Ибо творящий новую жизнь советский человек вместе с другими большими правами имеет право и на эстетическое наслаждение, на высокое чувство прекрасного.

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

КАЗАНЬ

И смутно слыша звук родимой речи, Я оживал, и вдруг в какой-то миг Постиг, что от всего меня излечит. Не врач, не знахарь, а родной язык.

Кого-то испеляет от болезни Другой язык, но мне на нем не петь. И если завтра мой язык исчезнет, То я готов сегодня умереть.

Я жизнь люблю, люблю я всю планету, В ней каждый, даже малый уголок, А более всего — Страну Советов, О ней я по-аварски пел, как мог.

Мне дорог край цветущий и свободный, От Батйки до Сахалина — весь. Я за него погибу где угодно, Но пусть меня зароят в землю здесь!

Чтоб у плиты могильной близ аула Аварцы вспоминали иногда Аварским словом земляка Расула — Преемника Гамзата из Цада.

Желтые листья Капают дождик, все капает, капает, Капают на полуголые ветки. Падают листья, все падают, падают. Листья на ветках и желты, и редки.

Ветер осенний солидным хозяином Гопит и с воем, и с хохотом взаимей Сирот непрошенных и неприкаянных Прочь со дворов вдоль по улице нашей.

Их прохаживае топчут голошами, Топчут подошвами в глине и в иле.

Восхищенно русский советский поэт-лирик Михаил Васильевич Исаковский вступает на порог шестидесятилетия. И хотя он давно уже, гораздо раньше того, как покинул Смоленские края, где родился, рос, учился и трудился, — давно уж перестал быть «смоленским» поэтом, — и вместе с моими земляками, естественно, испытываю в этот день особое чувство земляческой гордости за любимого моего старшего друга и наставника моих юношеских лет (тебе весьма уже далеких, к сожалению). Эта наша смоленская сторона, милая родная земля, скромная и непритязательная в ряду других разнообразных своей красотой краев великой Советской Родины, — вырастила один из самых замечательных талантов, составляющих славу и гордость нынешней отечественной поэзии. И сам, земляк Михаил Васильевич Исаковский, имеющий на него, так сказать, особые права, вместе с тем дорого и радостно, что день рождения поэта отмечает вместе с нами миллионы его читателей и почитателей по всем городам и селам страны и далеко за ее пределами.

Шестидесятилетие — дата серьезная, однако вполне еще позволяющая ожидать от зрелого мастера новых созданий его бесценного дара. У поэта нет возраста, истинный поэт — ровесник всем поколениям — и своему собственному, и своим внукам.

А самое главное, время — время великих и радостных свершений родного народа, его исторического творчества — не позволяет стареть, молодит и придает нам силы — всем, кто верен ему разумом и сердцем.

Доброго-здоровья, новых счастливых замыслов и успешных трудов, дорогой друг! А. ТВАРДОВСКИЙ

он не выдумывал неведомые звуки, не изобретал неслыханных языков. Как и любой подлинный новатор, он отвергал всяческую «заумь», искал и находил для выражения принесенного им в поэзию нового содержания наиболее емкую, наиболее доходчивую форму, стремился разговаривать с народом на поэтическом языке самого народа — языковорца. А такую форму нельзя было создать без учета опыта русской классической поэзии, и особенно поэзии демократической. Поэтому молодому Исаковскому было органически чуждо нигилистическое отношение к классическому наследию, столь характерное для некоторых поэтических школ и школ...

Школа располагалась в глубине старинной липовой аллеи бывшей барской усадьбы. По другую сторону аллеи — огромный сад и парк, где мы — полные холевая. И сад, и парк заперты за школой. Там мы весной готовили уроки, а ранней осенью, вернувшись с каникул, рассказывали друг другу накопившиеся за лето новости и упоен

МЫСЛИТЬ ПО-НОВОМУ!

ВТО ВРЕМЯ как из Москвы прозвучал новый призыв к разоружению, в западных странах раздаются голоса, настаивающие на дальнейшем вооружении, на дальнейших испытаниях ядерного оружия. В Соединенных Штатах военные «стратегии» ратуют за строительство «семейных убежищ», защищающих от радиоактивных осадков. Эти «стратегии» заявляют, что «самое существование нации, возможно, зависит от того, удастся ли в ближайшие годы-два уточнить размеры советской военной мощи и нанести на карту расположение войск и военных объектов в Советском Союзе».

Все это тревожит широкую публику, и не без основания. Но в то же время никогда еще с самого начала «холодной войны» не было столь явных признаков, свидетельствующих о тенденции противоположного характера, то есть о стремлении к благоразумию и мирному сосуществованию.

Об этом свидетельствуют уважительный тон, в котором печатно откликается на смелые предложения г-на Хрущева по разоружению; недавние выступления в Англии против ядерного оружия — их участники, как известно, проявили готовность пойти в тюрьму за свои убеждения; огромный успех американского фильма «На берегу» и редакционные статьи таких газет, как «Обсервер», серьезно занятых поисками выхода из состояния международной напряженности.

Два фактора заставили англичан понять, сколь бредовы нынешние призывы к разоружению («усилению и усовершенствованию оружия, призванного устрашать противника»). Первый из факторов — новая вспышка антисемитизма в Западной Германии. Она показала, что страной, ставшей главным союзником западной обороны на европейском континенте, управляют сейчас те же самые кровавые агрессоры, которые двадцать лет тому назад чуть не развалили Англию. Как правильно отметил лондонский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», результатом этих событий явилось резкое усиление протеста в самых различных политических кругах Англии против оснащения Западной Германии ядерным оружием.

Другой фактор, заставивший широкую публику усомниться в нормальности тех, кто ратует за политику «устройства противника», — это позиция США, выступающих против международного соглашения о прекращении ядерных испытаний на том основании, что подземные ядерные взрывы нельзя обнаружить, в силу чего они, возможно, будут продолжаться.

Ведущие ученые — как английские, так и американские — указывали, что для таких подземных взрывов потребовалось бы вырыть камеру, где уместился бы десяток Нью-Йоркских небоскребов.

Седрик БЕЛФОРДЖ, английский публицист

что человечество сможет разрешить проблемы ядерного века лишь в том случае, если оно «научится мыслить по-новому». С каждым днем народы все яснее понимают, что суть вопроса — именно в этом. Советский Союз показывает пример всему миру, претворяя эти философские принципы в жизнь. И это, хотя и против воли, вынуждены признать даже его противники. Ведь можно до бесконечности — то есть пока мир не взлетит на воздух — изыскивать причины, в силу которых «нельзя полагаться на то, что противник станет выполнять» соглашение.

Однако совершенно естественно, что «переход к новому образу мышления», представляющий собой единственную возможность избежать самоуничтожения войны, требует — и непременно должен требовать — от каждой из сторон, заключающих соглашение, известной степени доверия и добросовестности. В этом и одна из главных особенностей только что принятого в Москве Закона «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР».

Рядовые англичане и американцы начинают понимать: как бы ловко некоторые безумцы ни жонглировали всякими комбинациями «скользящих факторов» — ракет, ядерных подводок и вооружений обычного типа, — старый образ мышления, согласно которому могущественная страна всегда может пустить в ход силу, чтобы добиться своих целей, окончательно изжил себя. Газета «Кристен сайенс монитор» поместила весьма характерную карикатуру, смысл ее в следующем: перед человечеством открыты лишь два пути — совместное существование или совместная гибель. Из этого следует сделать вывод, что единственная реальная проблема, которую нам надлежит разрешить, состоит в том, как добиться мирного сосуществования.

На прошлой неделе английский каллеллан, обслуживающий одну из баз, где размещены американские бомбардировщики, поднял такой вопрос: как понимать девиз американцев «Мы уповаем только на бога», если всем очевидно, что они уповают только на ракеты и водородные бомбы? Правда, капеллану предложили подать в отставку, но вопрос так и остался без ответа. До сознания англичан начинает доходить, что, хотя до сих пор капиталистические страны неизменно объявляли бога своим союзником, а уповали только на силу, теперь все народы должны уповать уже не на силу, а на нечто другое, как бы они это ни именovali.

Странно, конечно, что первым из глав правительств, кто положил в основу своих действий эту истину, был безбожник г-н Хрущев, но в наше время случается так много странностей вещей!

Странно, конечно, что первым из глав правительств, кто положил в основу своих действий эту истину, был безбожник г-н Хрущев, но в наше время случается так много странностей вещей!

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ

СПОР И ЕГО УЧАСТНИКИ

СОВЕТСКИЙ писатель — всегда политический деятель. Когда он берет за перо, то думает о своем читателе, хочет быть полезным народу и прогрессу. Политика не «насилует» его творчество. Она составляет основу настоящего искусства, его душу, кровь и дыхание. Решительно подчиняют свое перо политическим интересам демократии и прогрессивные писатели, и художники во всех странах мира.

Но далеко не всем художникам на Западе ясны основы основ прогрессивной эстетической мысли. Некоторые страшатся политики, пытаются, как черт от ладана, бежать от политической деятельности, уклониться от социальной ответственности.

Не так давно французская газета «Ар» собрала в своей редакции группу видных деятелей искусства для беседы на тему «Можно ли делать газету без политики?».

В беседе приняли участие: писатель Жан Шардон, драматург Ионеско, кинорежиссер Андре Кайятт, режиссер и актер Жан Виллар, художник Андре Лог, скульптор Задкин, философ Пьер Бутан. Известный писатель Франсуа Мориак прислал редакции свой ответ в письменной форме.

Не будем удивляться действиям газеты «Ар»: мы та же самая расшифровка вопроса пропаганды аполитичности, ни у кого из участников беседы не возникло возражений. Несмотря на скрытую тенденцию и на открытое ограничение круга участников, беседа оказалась интересной и кое в чем поучительной.

Люди, собравшие для того, чтобы принести присягу идеям аполитичного искусства, отнюдь не все и не во всем оправдали расчеты редакции. Думающему читателю отчет о беседе в «Ар» неизбежно скажет, что аполитичного искусства и аполитичной газеты не бывает, что искусство без политики не живет, что сколько бы художник ни жал политикой от своего порога, она является к нему в окно.

Разговор в редакции «Ар» обнаружил наличие некоторых крайних реакционных мнений. В этом нет ничего неожиданного и ничего удивительного. О том, что Ионеско стоит на позициях воинствующего модернизма, достаточно красноречиво говорит его «черная» драматургия. Заявления, сделанные им в редакции «Ар», только как бы комментируют характер его произведений.

«Настало время аполитизировать искусство», — провозгласил Ионеско и тут же коротко и ясно заявил, что у театра надо отнять воспитательные цели, что живопись надо рассматривать лишь как «метаморфозу», что художник надо «освободиться» от общества, дать ему «служить свободе, составляющей завоевание современного артистического мира». Ну и кто ли всерьез спорить с Ионеско? Вряд ли. Кажется, он всем своим существом прирос к буржуазному декадансу и никакие «уговоры» ему не помогут.

Впрочем, «уговоры» вообще ни к чему, и мы не собираемся «уговаривать» никого из участников беседы в «Ар». Хотелось только, чтобы они (и те, кто

разделяет их иллюзии) подумали кое-что из недодуманного, обрели большую ясность в вопросах отношения искусства к политике.

А у художников, собравшихся в редакции «Ар», немало иллюзий и вместе с тем немало возможностей к их преодолению. Некоторые из них одержимы мыслью о том, что творчество возможно только на путях «свободы» от общества, «свободы» от политики. «Как только у вас появляется политическая идея, вы теряете свою невинность», — утверждает, например, Жан Шардон. Нечего и говорить, что это типичный предвзвезд, пагубная иллюзия, смысл которой более пятидесяти лет назад философски разъяснил В. И. Ленин. Художник, стоящий на такой позиции, неизбежно и незаметно для него самого оказывается жертвой «грязной политики» буржуазии. Я не хочу сомневаться в возвышенных намерениях Жана Шардона, но убежден, что в обществе, раздираемом политическими страстями, ему не удастся соблюсти свою творческую невинность. Уже сейчас та «эстетика», которую он разделяет, вполне ограничивает возможности его таланта.

Другая иллюзия, владеющая частью «спорщиков» из «Ар», состоит в представлении, будто «политика — это особая профессия», подобная, скажем, профессиям «каменотесов, дорожников, портных». Эту странную (как французские говорят, «бизар») мысль высказывает скульптор Задкин. Сходная идея сквозит в суждениях Пьера Бутана. Но разве писатели или художники занимаются только проблемами, решаемыми профессиональными политиками? Разве камнетесы, дорожники, портной не мыслят политически, не обладают определенными (демократическими) интересами политического свойства? Нет, честному читателю отчет о беседе в «Ар» неизбежно скажет, что аполитичного искусства и аполитичной газеты не бывает, что искусство без политики не живет, что сколько бы художник ни жал политикой от своего порога, она является к нему в окно.

Разговор в редакции «Ар» обнаружил наличие некоторых крайних реакционных мнений. В этом нет ничего неожиданного и ничего удивительного. О том, что Ионеско стоит на позициях воинствующего модернизма, достаточно красноречиво говорит его «черная» драматургия. Заявления, сделанные им в редакции «Ар», только как бы комментируют характер его произведений.

«Настало время аполитизировать искусство», — провозгласил Ионеско и тут же коротко и ясно заявил, что у театра надо отнять воспитательные цели, что живопись надо рассматривать лишь как «метаморфозу», что художник надо «освободиться» от общества, дать ему «служить свободе, составляющей завоевание современного артистического мира». Ну и кто ли всерьез спорить с Ионеско? Вряд ли. Кажется, он всем своим существом прирос к буржуазному декадансу и никакие «уговоры» ему не помогут.

Впрочем, «уговоры» вообще ни к чему, и мы не собираемся «уговаривать» никого из участников беседы в «Ар». Хотелось только, чтобы они (и те, кто

Пьер ДЮРАН, французский публицист

«Вновь доказано, что справедливость торжествует»

В Кайзерслаутерне ударили первые морозы. Рекой течет пиво, вино и поддельный коньяк в местной «вайнштубе» — задымленном погребе. Сюда набилось столько посетителей, что лишь с трудом удается протиснуться между столиками...

Странные здесь гости. Бритые черны или длинные волосы а ля «викинг». Взявшись за руки и медленно раскачиваясь на своих стульях справа налево и слева направо, они горланят старые немецкие военные песни. Все помещение словно превратилось в какой-то пьяный корабль, плывущий по туманному морю.

Адольф фон Талден (бывший руководитель «гитлер-югенда») отодвигает бокал и поднимается. Точно ко маневнику волшебной палочки, качка корабля прекращается.

«Бойтесь по партии. — говорит он, — за нами следят, нас подслушивают, хотят найти повод для роспуска нашей партии. Предупреждаю вас: тот, кто скажет или сделает что-нибудь, способное нанести вред нашей партии, будет отвергнут как компрометирующий нас человек».

Вильгельм Мейнберг, 62 лет, бывший группенфюрер СС, почетный генерал, один из главных руководителей германской имперской партии, одобрительно кивает головой. Бурей аплодисментов встречают собравшиеся его сообщение о том, что трибунал Кайзерслаутерна отменил запрет публичных манифестаций, предусмотренных в связи с партийным съездом: «Дорогие мои! Вновь доказано, что справедливость торжествует».

Ночь опускается на город. Стены домов покрываются свастиками. С песнями проходят по улицам участники съезда этой официальной фашистской партии. Проснувшись поутру, жители Кайзерслаутерны находят в своих почтовых ящиках листовки с требованием реабилитации военных преступников.

«Мы примем меры»

Я был в Берлине в прошлом среду, когда в различных районах западной части города собрались антифашисты, полные решимости заявить гневный протест против антисемитских и фашистских приговоров этих организованных бан. В Веддинге, Шарлоттенбурге и Шенеберге выступили сотни людей. Они скандировали демократические лозунги, требуя от властей принятия мер против гитлеровских последователей.

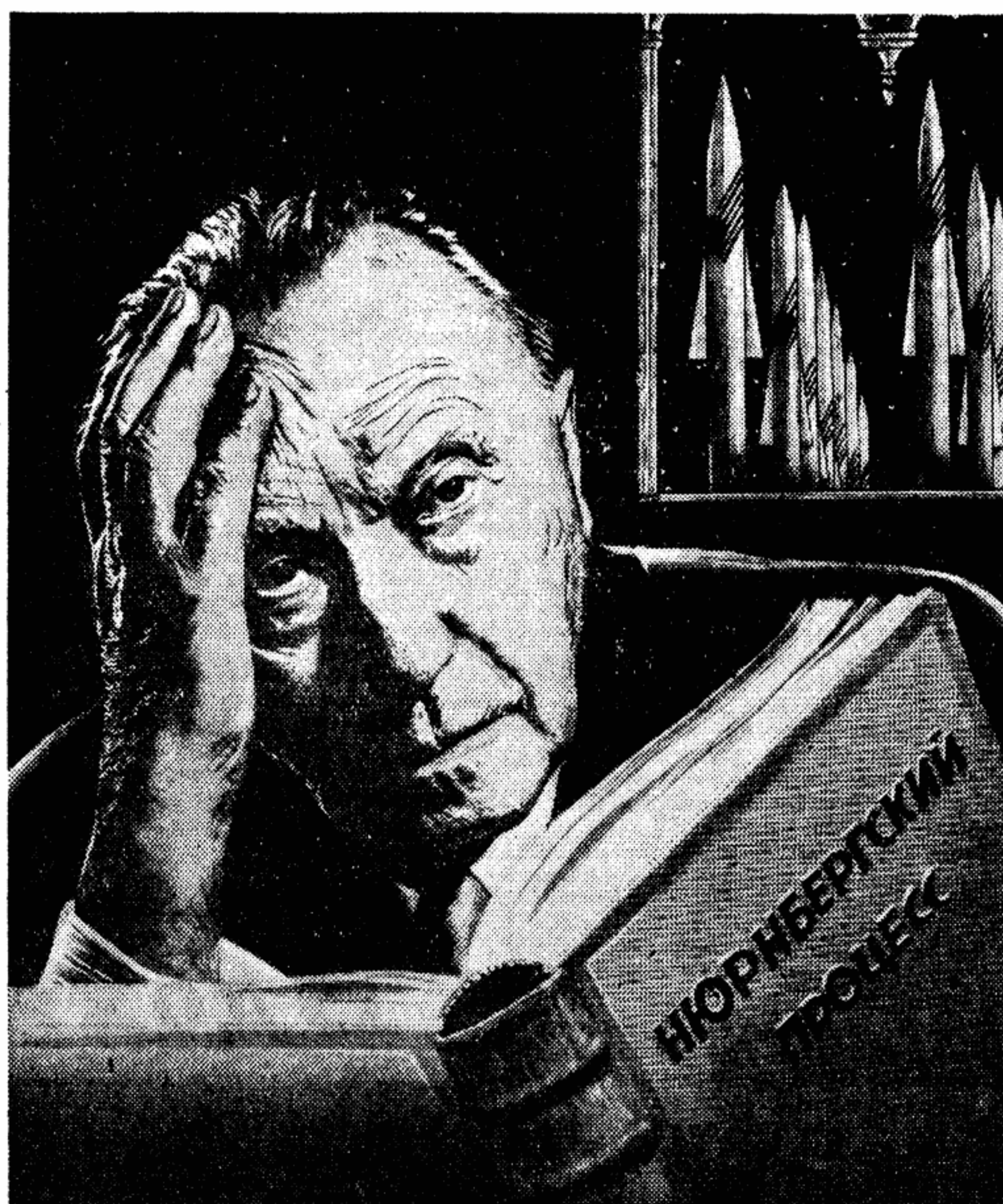
Появились западноберлинские полицейские. Они атаковали демонстрантов и рассеяли их.

В то же время чьи-то «тайные» руки испещрили свастиками вокзалы надземного метро.

«Мы примем меры», — заявил социал-демократический бургомистр Западного Берлина.

И только один-единственный приговор: десять месяцев тюрьмы...

СВАСТИКА В АДЕНАУЭРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

НАЗИДАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

Фотомонтаж А. Житомирского

«Вновь доказано, что справедливость торжествует», — как сказал бы генерал войск СС Мейнберг. Уж он-то доволен.

Макс Мертен, прокурор Западного Берлина, несет ответственность за высказывания в период 1941—1944 гг. 10 000 евреев, грековских подданных. Несколько лет назад Мертен был оправдан и оставлен на своем высоком посту. При этом было заявлено, что «он правильно выполнял свой долг».

Что ж, все понятно!

Канцлер спрашивает: что, если бы мы начали войну с русскими!

Это было в прошлую пятницу, в Дюссельдорфе. В зале суда, выдержанном в бисмарковском стиле, продолжался процесс против семи активных деятелей движения за мир (в числе обвиняемых два протестантских священника). За судейским столом — огромный черный брест.

В чем же обвиняют подсудимых? В «поддержке политики Советского Союза». Чем же они ее поддерживали? Тем, что высказывались против перевооружения Германии, против милитаризма, против возрождения нацизма. А каковы доказательства? Как же — ведь в движении за мир участвуют и коммунисты...

К переговорам, отделив судей от публики, подходит свидетель защиты. Это не первый встречный. Перед судом стоит старик, д-р Эльфес, один из членов-учредителей Христианско-демократического союза, партии Аденауэра. Отличный оратор, он дает показания в течение трех часов и загоняет председателя суда в безнадельный тупик.

«Я далека от коммунизма», — говорит он. — Но чего же мы в конце концов хотим? Мира или войны? Если мы хотим мира, то нет иного пути, как договориться с СССР, с коммунистами».

Возвращается полная тишина, и д-р Эльфес рассказывает:

«Это было в 1948 году в новгородском здании. Вторым или четвертым мы сидели с д-ром Аденауэром за бутылкой рейнского вина. Внезапно Аденауэр спросил меня: «Как вы относитесь к тому, чтобы мы начали войну с русскими?»

Сообщение поистине сенсационное. Председатель становится красным, как рак.

Два дня спустя голландский еженедельник «Эльзевьер» всеобъемлюще опубликовал интервью с Аденауэром: «Мирное сосуществование между народами, отличающееся совершенно различными взглядами, представляется иллюзией, которая — увы! — все еще находит себе слишком много приверженцев... Политика должна следовать за действиями в духе здравого реализма. Поскольку конечные цели не могут быть достигнуты, следует довольствоваться тем, что возможно немедленно, а в остальном рассчитывать на будущее».

Что ж! Язык Аденауэра становится все более ясным.

По стопам гитлеровцев

Волна нацистских манифестаций, прокатывающаяся сейчас по Западной Германии, не может рассматриваться как изолированное и случайное явление. Это признак, а вместе с тем и средство вполне определенной политики.

Антисемитские вылазки в Западной Германии — не новость. Кто-то пытается заставить всех людей мира поверить, будто аденауэровское правительство было захвачено врасплох появлением свастик на стенах синягов и домов Западной Германии. Это ложь! Во-первых, потому, что явление это не новое, сейчас оно только достигло своего апогея; во-вторых, потому, что оно — прямое следствие политики, проводимой на протяжении многих лет властями Западной Германии. Что по-настоящему, то и познано!

Человек, который говорил со мной, — я не называю его имени — некоторое время тому назад позвонил с трибунала Федеративной Германии. Да, он совершил преступление. Оно заключается в том, что он протестовал, когда бывшие нацисты захватили руководящие посты в государственном аппарате, вооруженные бундесвером оружием. Да, верно — он «крепидивист»: двенадцатилетнее пребывание в

гитлеровских тюрьмах и концлагерях оставил свой след...

Боннское правительство не стремится по-настоящему пресечь активные действия нацистов. Громы и молнии направлены исключительно против коммунистов и всех тех, кто выступает против милитаризма, фашизма и подготовки реваншистской войны.

Ни для кого не секрет, что большинство министров и высших чиновников аденауэровского режима — бывшие крупные нацистские деятели. На руках более тысячи прокуроров и судей боннского правосудия кровь антифашистов. Генеральный прокурор Франкфурта Отто Шайнберг несет ответственность за убийство большого числа евреев. Во время войны он по праву получал похвалы и поощрения от своих вождей за то, что был «отличным выразителем идей национал-социализма и милитаризма».

Некоторые партии

и их ставленники

Доктор Аденауэр и его правительство жалуются:

«Конечно, мы очень хотели бы принять меры против неофашистской деятельности. Мы только этого и хотим. Однако мы не знаем, где искать виновных. Мы ищем их, успокойтесь. Мы все время ищем их. И в конце концов мы их найдем».

И при этом бойко подмигивают реакционерам...

Если г-н Аденауэр «не знает» гитлеровских организаций, которыми кишит Западная Германия, то только потому, что он не хочет их знать. Почему — это мы увидим позднее.

А сейчас мы в меру наших скромных сил попытаемся прийти ему на помощь. Вот некоторые сведения, которые должны удовлетворить его, если он действительно намерен бороться против фашизма.

Начнем с германской имперской партии (ДРП). Боннское правительство утверждает, что оно не хочет их знать. Почему — это мы увидим позднее.

А сейчас мы в меру наших скромных сил попытаемся прийти ему на помощь. Вот некоторые сведения, которые должны удовлетворить его, если он действительно намерен бороться против фашизма.

Начнем с германской имперской партии (ДРП). Боннское правительство утверждает, что оно не хочет их знать. Почему — это мы увидим позднее.

А сейчас мы в меру наших скромных сил попытаемся прийти ему на помощь. Вот некоторые сведения, которые должны удовлетворить его, если он действительно намерен бороться против фашизма.

Начнем с германской имперской партии (ДРП). Боннское правительство утверждает, что оно не хочет их знать. Почему — это мы увидим позднее.

А сейчас мы в меру наших скромных сил попытаемся прийти ему на помощь. Вот некоторые сведения, которые должны удовлетворить его, если он действительно намерен бороться против фашизма.

Начнем с германской имперской партии (ДРП). Боннское правительство утверждает, что оно не хочет их знать. Почему — это мы увидим позднее.

жи), все члены которой носят черную рубашку, введенную в употребление молодчиками Муссолини. Заместителем Диль является некто Ципман. Он также играл видную роль в организациях «гитлеровской молодежи», а затем активно участвовал в деятельности фашистской подпольной организации «Вербольф» («Оборотень»).

Бывший эсэсовец Гюнтер Геслер также создал свою фашистскую молодежную организацию. Вот ее девиз: «Мы усматриваем свою высшую честь в верности, в верности своей родине, простирающейся не только от Рейна до Эльбы, но и от Мааса до Мемеля».

Они готовят реванш

По официальным данным, ныне существует значительное число военизированных организаций, предназначенных для молодежи, не достигшей двадцатилетнего возраста. Эти организации насчитывают около 20 тысяч членов. Систематически проводятся настоящие военные маневры. Каждая боевая группа имеет свое символическое название: «Гудериан», «Ульрих фон Гуттен», «Шлагетер», «Сокол». Эти организации издают свои газеты, которые легально продаются повсюду в Западной Германии. Одна из этих газет недавно с восхищением описывала успехи ударной группы «Шлагетер», «первыми во время маневров использовавшей пулеметы».

Все эти организации внушают молодежи, что Гитлер спас Германию от «демократического вырождения», от «кверелства» и «большевизма». Они убеждают молодежь в том, что молодые германские патриоты должны приветствовать выдвижение нового фюрера, который станет во главе рейха и обеспечит реванш Германии над ее вчерашними победителями.

Следовало бы добавить к этому далеко не полному списку, что в Западной Германии насчитывается более тысячи (я утверждаю, более тысячи) организаций, объединяющих бывших эсэсовцев и солдат вермахта. Повсюду эти организации возглавляют высокопоставленные гитлеровские офицеры. Каждая из организаций издает свою реваншистскую, милитаристскую газету и открыто выступает за реабилитацию военных преступников, проповедует антисемитизм и антикоммунизм. Все эти организации в том же создают специальные секции для молодежи, всячески стараются воспитать молодое поколение в традициях прусского милитаризма и нацистской политики.

Если канцлер Аденауэр действительно не знает эти факты, — что, право, весьма удивляет нас, — мы рекомендуем ему обратиться к его собственному военному министру Штраусу, который представит ему полную информацию на этот счет, поскольку этот министр полностью в курсе дела.

ПАРИЖ

Грязная игра господина Фокеля

ПРИБЛИЖАЕТСЯ срок встречи в верхах. Главы правительств должны обсудить важнейшие назревшие проблемы, от которых зависит мир и спокойствие человечества. Народы возлагают большие надежды на это совещание. Но чем оно будет, тем большую нервозность вызывает боннская дипломатия. Западногерманские реваншисты боятся возможности нормализации положения в Берлине. Они хотели бы сохранить в западной части города очаг агрессии и реванша.

В ход пушено все. В бундестаге с анти-советскими речами выступают представители правящей партии ХДС. По Западной Германии с призывами к войне против Советского Союза развешивает матерый поджигатель Вильгельм Шлам. Наконец, в ряде официальных выступлений представитель ФРГ полковник, с позволения сказать, «правовая база» под пребывание органов ФРГ в Западной Берлине.

Недавно в Западной Берлине выступил некий Фокель, официальный представитель правительства ФРГ. «Органы правительства Федеративной Республики Германия», — нагло сказал он, — находятся в Западной Берлине по праву. Они ни в коей мере не нарушают четырехстороннего статуса Берлина. Фокель договаривается до того, что именно это было бы было незаконно после войны четырехсторонними соглашениями великих держав. Стараясь, чтобы это звучало менее смешно (к моменту окончания войны, как известно, не существовало ни ГДР, ни ФРГ), этот и другие западногерманские деятели поясняют: государственно-правовые отношения между Бонном и Западной Берлином развивались с ведома западных держав, а следовательно, — это они и пытаются доказать, — западные державы не свободны в переговорах с Советским Союзом относительно положения в Берлине.

Нет, господа Фокель не силен в вопросах международного права. Четыре великие державы действительно по праву оккупировали Берлин: эти державы — Советский Союз, США, Англия и Франция. Но при чем тут ФРГ? Никаких прав у боннского правительства на Берлин нет. К тому же не мешает вспомнить, что Западный Берлин находится на территории другого государства — Германской Демократической Республики. Абсурдность призываний Фокеля и тех, кто стоит за ним, ясна каждому здравомыслящему человеку. Зачем же немецкой общественности преподносятся подобные чепуха?

Боннские правящие круги преследуют совершенно определенную цель: они хотят обострить обстановку в Западной Берлине накануне совещания в верхах, стараются оказать давление на США, Англию и Францию, навязать им свою волю в германском вопросе.

Грязная, неумная игра! Она способна вызвать у каждого честного человека лишь гнев и возмущение!

А. Б.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЬ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусства — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.